

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Жоржи
Амаду

ГЕНЕРАЛЫ
ПЕСЧАНЫХ
КАРЬЕРОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.134.3(81)
ББК 84(7Бра)-44
А 61

Jorge Amado
CAPITÃES DA AREIA
Copyright © 2008, Grapiúna Produções Artísticas Ltda
Published in Brazil by Editora Companhia das Letras,
São Paulo
All rights reserved

Перевод с португальского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15141-3

© А. Богдановский, перевод, 1992
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ДЕТИ — ГРАБИТЕЛИ

РАЗНУЗДАННЫЕ ВЫХОДКИ «ГЕНЕРАЛОВ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ» — ДЕТИ, ПРОМЫШЛЯЮЩИЕ ГРАБЕЖОМ, ДЕРЖАТ В СТРАХЕ ВЕСЬ ГОРОД — НЕОБХОДИМО БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИНСПЕКЦИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ — ВЧЕРА ПРОИЗОШЕЛ ЕЩЕ ОДИН НАЛЕТ.

Наша газета, неизменно стоящая на страже законных прав граждан Баии, уже неоднократно сообщала о преступной деятельности «Генералов песчаных карьеров», как именуют себя члены шайки, терроризирующей весь город. Эти подростки, в столь юном возрасте вступившие на мрачную стезю порока, не имеют постоянного местожительства, — по крайней мере, установить его не удалось, как не удалось и выяснить, где они прячут награбленное. В последнее время налеты происходят ежедневно, и это требует немедленного вмешательства Инспекции по делам несовершеннолетних и Управления полиции.

Как стало известно, численность банды превышает сто человек в возрасте от 8 до 16 лет. Все это дети, ставшие на преступный путь оттого, что их родители, позабыв о своем христианском долге, не занимались их воспитанием. Малолетние преступники называют себя «Генералы песчаных карьеров», потому что избрали своей штаб-

квартирой песчаные отмели баиянского порта. Руководит ими четырнадцатилетний подросток, пользующийся самой дурной славой: за ним числятся не только грабежи, но и драки, повлекшие за собой тяжкие телесные повреждения. К сожалению, установить личность главаря пока не удалось.

Необходимо срочное вмешательство Инспекции по делам несовершеннолетних и городской полиции для того, чтобы преступная деятельность банды, нарушающая покой жителей нашего города, была пресечена, а злоумышленники — отправлены в исправительные колонии или тюрьмы. Ниже мы помещаем репортаж о вчерашнем налете, жертвой которого стал почтенный коммерсант: ущерб, нанесенный его дому, превышает миллион реисов. Кроме того, при попытке задержать главаря шайки малолетних преступников был ранен садовник.

В доме комендатора¹ Жозе Феррейры

В центре Корредор-да-Витория, одного из фешенебельных кварталов нашего города, расположен особняк комендатора Жозе Феррейры, крупнейшего и пользующегося наибольшим доверием коммерсанта Баии. Его магазин помещается на улице Португалии. Выстроенный в колониальном стиле особняк, окруженный пышным садом, невольно привлекает к себе внимание

¹ *Комендатор* — лицо, награжденное орденом; в Бразилии звание комендатора зачастую присваивалось или покупалось помещиками.

и радует глаз. Вчера вечером дом Жозе Феррейры — эта обитель мира, покоя и честного труда — подверглась налету «Генералов песчаных карьеров» и в течение целого часа была объята неопишмым смятением.

В три часа дня, когда город изнемогал от зноя, садовник Рамиро заметил нескольких оборванных подростков, которые вертелись у ворот, и отогнал непрошенных гостей, после чего вернулся к выполнению своих обязанностей. Очень скоро начался...

Налет

Минут через пять Рамиро услышал доносившиеся из дома громкие крики — так могли кричать только люди, охваченные смертельным ужасом. Вооружившись серпом, Рамиро вбежал в дом, из окон которого «как черти» (по его собственному выражению) уже выскакивали мальчишки с украденными из столовой вещами. Горничная, истошно крича, хлопотала возле супруги комендатора, лишившейся чувств от вполне понятного и простительного испуга. Рамиро поспешил в сад, где и произошла...

Драка

В саду же в это самое время одиннадцатилетний внук комендатора — прелестный Раул Феррейра, приехавший погостить к дедушке, — разговаривал с одним из злоумышленников, оказавшимся главарем шайки (это удалось установить потому, что на лице преступника имелся шрам). Невинный ребенок, не подозревая ниче-

го дурного, весело беседовал со злодеем, в то время как шайка грабила его деда. Садовник бросился на грабителя, никак не ожидая, что тот окажет ему такое сопротивление и проявит столь незаурядную силу и ловкость. Схватив его, Рамиро тотчас получил удар ножом в плечо, потом в руку и вынужден был отпустить преступника.

Полиция была немедленно уведомлена о случившемся, однако до настоящего времени не смогла напасть на след шайки. Комендадор сообщил нашему репортеру, что понесенный им ущерб превышает миллион рейсов, поскольку одни только часы, похищенные у его супруги, стоят 900 крузейро.

Необходимы срочные меры

Обитатели аристократического квартала Корредор-да-Витория пребывают в сильнейшей тревоге, опасаясь стать новыми жертвами бандитов, поскольку налет на особняк комендатора Жозе Феррейры далеко не первое их преступление. Необходимо принять срочные меры для того, чтобы негодяи понесли примерное наказание, а покой самых видных семей Баии больше не нарушался. Мы надеемся, что начальник полиции и инспектор по делам несовершеннолетних сумеют обуздать малолетних, но многоопытных преступников.

«Устами младенца...»

Наш корреспондент побеседовал также и с Раулем Феррейрой. Как уже упоминалось, ему одиннадцать лет и он — один из лучших учени-

ков коллежа Антонио Виейры. Раул выказал завидное мужество и сообщил нам о своем разговоре с главарем шайки следующее:

— Он сказал, что я — дурачок и понятия не имею о том, какие бывают интересные игры. А когда я сказал, что у меня есть велосипед и много разных игрушек, он засмеялся и ответил, что у него зато есть улица и порт. Он мне понравился, он прямо как из фильма: помните того мальчика, который убегает из дому на поиски приключений?

Его слова заставили нас задуматься над такой сложной и деликатной проблемой, как пагубное воздействие кинематографа на неокрепшие души. Эта проблема также заслуживает внимания господина инспектора по делам несовершеннолетних, и мы к ней собираемся вернуться еще раз.

(Репортаж, опубликованный в газете «Жорнал да Тарде» под рубрикой «полицейская хроника» вместе с фотографиями, изображающими особенно Жозе Феррейры и самого комендатора во время церемонии награждения его орденом.)

Письмо секретаря начальника полиции
в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Уважаемый г-н редактор!

В связи с тем, что вчера в вечернем выпуске Вашей газеты были помещены материалы, касающиеся преступной деятельности шайки «Генералы песчаных карьеров», а также налета, совершенного ею на дом комендатора Жозе Феррейры, начальник полиции спешит уведомить

Вас, что решение этой проблемы зависит в первую очередь от Инспекции по делам несовершеннолетних, а полиция может предпринять какие бы то ни было шаги лишь после того, как к ней обратятся из инспекции. Тем не менее будут незамедлительно приняты все меры, чтобы исключить в дальнейшем подобные происшествия и чтобы виновники случившегося были выявлены, арестованы и понесли заслуженную кару.

Считаем нужным, однако, заявить со всей прямоотой, что полиция не заслужила ни малейшего упрека: она не предпринимала достаточно действенных мер, так как не получила разрешения Инспекции по делам несовершеннолетних.

с уважением,

секретарь начальника полиции.

(Письмо, напечатанное на первой странице «Жорнал да Тарде» вместе с фотографией начальника полиции и пространными похвалами в его адрес.)

Письмо инспектора
по делам несовершеннолетних
в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

*Его превосходительству
г-ну главному редактору
г. Сальвадор
штат Баия*

Дорогой земляк!

Просматривая на досуге, который лишь изредка предоставляют мне многообразные и многочисленные обязанности, сопряженные с выполнением моей труднейшей миссии, Вашу замечательную газету, я обратил внимание на

письмо неугомимого начальника городской полиции, где он излагает мотивы, по которым правоохранительные органы по сию пору не смогли усилить столь необходимую борьбу с малолетними преступниками, терроризирующими наш город. Господин начальник полиции заявляет, будто не получал от Инспекции по делам несовершеннолетних надлежащих распоряжений, долженствовавших побудить его к принятию более активных мер по отношению к малолетним преступникам. Ни в коей мере не желая хоть как-то бросить тень на плодотворную деятельность городской полиции, я тем не менее обязан в интересах истины — истины, которая, подобно путеводному маяку, освещает весь мой жизненный путь, — заявить, что не могу признать эти доводы убедительными. В компетенцию инспекции не входит розыск малолетних преступников, мы обязаны лишь определить, в каком именно исправительном заведении будут они отбывать срок наказания, и назначить представителя инспекции для присутствия на суде, где будет рассматриваться возбужденное против них дело. Повторяю, в круг наших прерогатив не входят розыск и задержание малолетних преступников: инспекция занимается их последующей судьбой. Достоуважаемый господин начальник полиции может быть уверен, что долг свой я и впредь буду исполнять так же неукоснительно, как и на протяжении всех пятидесяти лет моей беспорочной службы.

За последние месяцы я направил в исправительные колонии значительное число несовершеннолетних, которые преступили закон или

были оставлены родителями на произвол судьбы, и не моя вина, что они бегут оттуда, что предпочитают отказаться от честного труда, что покидают заведения, где их пытаются приобщать к честной и созидательной жизни и окружают заботой и вниманием. Покинув стены колонии, они становятся еще более опасными преступниками, словно полученное ими наказание пошло им во вред. Почему так происходит? Ответ на этот вопрос могут дать лишь специалисты-психологи, меня же, философа-дилетанта, он ставит в тупик.

Хочу заявить со всей ясностью и прямоотой, господин редактор, что начальник полиции всегда может рассчитывать на содействие Инспекции по делам несовершеннолетних в деле борьбы с малолетними преступниками.

Примите, г-н редактор, уверения в моем искреннем уважении и преданности.

Инспектор по делам несовершеннолетних.

(Напечатано в «Жорнал да Тарде» вместе с фотографией инспектора и кратким, но лестным редакционным комментарием.)

Письмо в редакцию газеты «Жорнал да Тарде» бедной швеи, матери семейства

Уважаемый г-н редактор!

Извините за ошибки и за плохой почерк, но я к письмам непривычная, а это письмо взялась писать потому что хочу чтобы все было ясно. Я прочла у вас в газете, как воруют «Генералы песчаных карьеров», а потом полиция сказала, что всех их заарестуют, а потом сеньор инспек-

тор по малолетним сказал, что они не исправляются в колониях куда он их посылает. Я насчет колонии этой и решилась вам написать хоть написать хорошо не умею. Вот бы ваша газета послала кого-нибудь посмотреть, как там обращаются с несчастными детьми из неимущих семей которые на свою беду попали в руки тамошних надзирателей у которых сердце тверже камня. Мой сын Алонсо пробыл там полгода и кабы я не сумела его оттуда выволить один Бог знает дожил бы он до срока или нет. Их там секут два а то и три раза в день и это еще хорошо. Директор ходит вечно пьяный и лупит детей хлыстом. Я сама это видела много раз, они внимания не обращают если скажешь что-нибудь и говорят что так нужно для острастки чтоб другим было неповадно. Потому я забрала сына оттуда. Пошлите сеньор редактор туда человека пусть он посмотрит чем их там кормят и какую работу заставляют делать что не всякий взрослый справится и выдержит, и как их лупцуют за дело и без дела. Только пусть не говорит что из газеты а то они его обманут. Пусть придет неожиданно и тогда увидите права я или нет. Из-за таких вот колоний и существуют воровские шайки и пусть уж лучше мой сын будет там чем в таком заведении. Посмотрите сеньор что там творится у вас сердце в груди замрет. Спросите падре Жозе Педро, он там служил капелланом, все видел и знает. Он все вам расскажет и лучше чем я.

Остаюсь Мария Рикардинья, швея.

(Напечатано на пятой странице «Журнал да Тарде» среди объявлений, без фотографии и комментариев.)

Письмо падре Жозе Педро
в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Господь да благословит Вас.

Уважаемый г-н редактор!

В одном из номеров Вашей уважаемой газеты я прочел письмо Марии Рикардиньи, в котором она ссылается на меня как на того, кто может пролить свет на обстоятельства, сопутствующие жизни детей, попавших в исправительную колонию, и вынужден беспокоить Вас этим письмом, поскольку все, о чем рассказала Вам Мария Рикардинья, к прискорбию, соответствует действительности. Воспитанники вышеупомянутой колонии в самом деле содержатся, как дикие звери. Администрация колонии, позабыв заповеди о всепрощении и любви к ближнему, не только не старается привлечь к себе сердца воспитанников добротой и лаской, но, напротив, еще больше ожесточает их непрерывными наказаниями и бесчеловечными истязаниями. По долгу пастыря я был обязан нести заблудшим детям утешение и свет истинной веры, но вижу, что ненависть, скопившаяся в душе этих несчастных, больше, чем кто-либо иной, достойных жалости, препятствует им воспринять мои слова с должным доверием. Обо всем том, что я ежедневно вижу в колонии, я мог бы написать целую книгу.

Благодарю Вас за внимание.

Падре Жозе Педро, смиренный раб Божий.

(Напечатано на третьей странице «Диарио да Тарде» под заголовком «Неужели это правда?» и без всяких комментариев.)

Письмо директора
исправительной колонии
в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Глубокоуважаемый г-н редактор!

С неослабевающим интересом слежу я за тем, как одна из самых блистательных представительниц баиянской прессы, газета «Жорнал да Тарде», ведет под Вашим мудрым руководством кампанию борьбы с шайкой «Генералы песчаных карьеров», которая терроризирует наш город и нарушает покой его обитателей.

В числе материалов, посвященных этой теме, я ознакомился и с двумя письмами, содержащими обвинения по адресу учреждения, вверенного моему попечению. Одна лишь скромность — только она одна! — не дает мне права назвать это учреждение образцовым.

Я не унижусь до того, чтобы через посредство Вашей газеты опровергать письмо этой представительницы низших слоев нашего общества, — без сомнения, одной из тех, кто так мешает нам при исполнении нашего священного долга — исправления детей, сбившихся с пути истинного. Когда дети, получавшие воспитание на улице и постоянно имевшие перед глазами примеры недостойного поведения своих родителей, попадают к нам и мы заставляем их приобщаться к нормальной жизни, родители эти, вместо того чтобы со слезами благодарности целовать руки тех, кто не щадит усилий, превращая их детей в полезных членов общества, начинают жаловаться. Но я уже сказал и готов повторить, что оставляю это письмо без внимания. Смешно было бы

ожидать, что темная малограмотная работница окажется на высоте понимания тех задач, которые выполняет руководимое мною учреждение.

Но второе письмо поразило меня до глубины души. Этот священник, позабывший, какие обязанности налагают на него его сан и должность, бросил нам тяжкие обвинения. Этот святой отец, которого по справедливости следовало бы называть «чертовым сыном» (я надеюсь, Вы, г-н редактор, простите мне эту иронию), пользовался своим особым положением для того, чтобы, проникая в интернат в непопозволенные по правилам внутреннего распорядка часы, подбивать детей, отданных государством под мою опеку, на открытое неповиновение и даже бунт. С тех пор как он появился у нас, случаи нарушения дисциплины и неподчинения установленным правилам участились. Падре Жозе Педро — злостный подстрекатель, дурно влияющий на детей, которые в большинстве своем и так испорчены до крайности. Отныне двери нашего интерната закрыты для него навсегда.

Тем не менее, г-н редактор, я от своего имени присоединяюсь к просьбе Марии Рикардиньи и настоятельно прошу Вас прислать к нам сотрудника Вашей газеты с тем, чтобы и Вы, и читающая публика смогли получить истинное и непредвзятое представление о том, как перевоспитывает малолетних преступников Баиянская исправительная колония. В понедельник я буду ждать Вашего сотрудника: допуск посетителей в другие дни запрещен правилами внутреннего распорядка, а я стараюсь ни в чем не отступать от них. Этим, и только этим, объясняется

ГЕНЕРАЛЫ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ

мое желание видеть его именно в понедельник. Заранее благодарю Вас за это, как и за публикацию настоящего письма, и надеюсь, что недостойный священнослужитель будет посрамлен.

Примите и проч.

*Директор Баиянской исправительной колонии
для малолетних преступников и брошенных
детей.*

(Напечатано на третьей странице «Жорнал да Тарде» вместе с фотографией колонии и сообщением, что в понедельник ее посетит репортер.)

ОБРАЗЦОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, ГДЕ ЦАРЯТ МИР И ТРУД — НЕ ДИРЕКТОР, А ДРУГ — ПРЕВОСХОДНАЯ КУХНЯ — ВОСПИТАННИКИ И ТРУДЯТСЯ, И ВЕСЕЛЯТСЯ — МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ НА ПУТИ К ПЕРЕРОЖДЕНИЮ — БЕСПОЧВЕННЫЕ ОБВИНЕНИЯ ОПОВЕРГНУТЫ — ПРЕТЕНЗИИ ВЫСКАЗАЛ ТОЛЬКО ОДИН — НЕИСПРАВИМЫЙ — БАИЯНСКАЯ КОЛОНИЯ ЖИВЕТ ОДНОЙ ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ — МЕСТО «ГЕНЕРАЛОВ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ» — ЗДЕСЬ

(Заголовки репортажа, опубликованного во вторник в вечернем выпуске «Жорнал да Тарде» на всю первую полосу вместе с фотографиями колонии и ее директора.)

ПОД ЛУНОЙ, В ЗАБРОШЕННОМ ПАКГАУЗЕ

ПАКГАУЗ

Под луной, в заброшенном пакгаузе спят дети.

Раньше море было совсем рядом. Волны, подсвеченные желтоватым сиянием луны, ласково плескались у подножия пакгауза, прокатывались под причалом — как раз в том месте, где спят сейчас дети. Отсюда уходили в плавание тяжело нагруженные суда — пускались в нелегкий путь по опасным морским дорогам огромные разноцветные корабли. Сюда, к этому причалу, теперь уже изъеденному соленой водой, приставали они, чтобы доверху набить трюмы. Тогда перед пакгаузом простирался таинственный и необозримый океан, и ночь, спускавшаяся на пакгауз, была темно-зеленой, почти черной, под цвет ночного моря.

А теперь ночь стала белесой, и перед пакгаузом раскинулись пески гавани. Под причалом не шумят волны: песок, завладевший пространством, медленно, но неуклонно надвигался на пакгауз, и не подходят больше к причалу парусники, не становятся под погрузку. Не видно мускулистых негров-грузчиков, напоминающих времена рабовладения. Не поет на причале, тоскуя по родным местам, чужестранный моряк. Белесые

пески простираются перед пакгаузом, который никогда уж больше не заполнится мешками, кулями, ящиками. Одинокое чернеет он среди близны песков.

Много лет полновластными хозяевами его были одни только крысы: они наперегонки носились вдоль его бесконечных стен и грызли тяжеленные деревянные двери. Потом, спасаясь от дождя и ветра, забрел в пакгауз бездомный пес. Первую ночь он совсем не спал — все ловил и рвал на части шмыгавших под самым носом крыс. Потом несколько ночей кряду выл на луну: лунный свет беспрепятственно проникал сквозь полуразвалившуюся крышу, заливая сложенный из толстых досок пол. Но пес был бродячим: вскоре он отправился искать себе другое пристанище — темный проем двери, ведущей в человеческое жилье, изогнутый свод моста, теплое тело суки. И снова пакгаузом безраздельно завладели крысы. Так было до тех пор, пока не наткнулись на него бездомные мальчишки.

К тому времени ворота осели и распахнулись, и один из «генералов», обходивших свои владения (весь порт, как, впрочем, и весь город Баия, принадлежит им), вошел в пакгауз.

Мальчишка сразу понял, что тут гораздо лучше, чем на голом песке или на причалах у других складов, откуда того и гляди смоеет прилив. С той самой ночи почти все «генералы» перебрались в заброшенный пакгауз и, под желтым светом луны, разделили компанию крыс. Перед глазами простирались нескончаемые пески. Вдалеке накатывало на причалы море. Корабли входили в гавань или выходили в открытое море,

и свет их сигнальных огней бил в полуоткрытую дверь. Через дырявую крышу виднелись усеянное звездами небо и луна.

Потом мальчишки стали хранить в пакгаузе свою добычу, и там появились диковинные предметы. Впрочем, на стороннего наблюдателя еще более странное впечатление произвели бы эти мальчишки всех цветов и оттенков кожи, всех возрастов — от девяти до шестнадцати лет, которые растягивались ночью на деревянном полу или под причалом, не обращая никакого внимания ни на ветер, который с завыванием носился вокруг пакгауза, ни на дождь, от которого вымокали до костей. Глаза их неотрывно следили за сигнальными огнями кораблей, а уши чутко ловили звуки песен, долетавших с палуб...

Там же поселился и атаман их шайки — Педро Пуля. Прозвище это получил он с самого раннего детства, лет с пяти, а сейчас ему уже пятнадцать, и десять из них он бродяжничает. Матери своей он не знал, отца давно застрелили. Педро остался на белом свете один, принялся изучать город, и нет теперь ни улицы, ни переулка, ни тупика, нет такой лавчонки, кабачка, дощатой палатки, которая была бы ему неизвестна. В тот год, когда он примкнул к «генералам» (недавно выстроенный порт привлек к себе всех бездомных баиянских детей), верховодил в шайке Раймундо, крепыш-кабоккло¹ с кожей, отливавшей красным.

С приходом Педро власть стала уплывать из рук Раймундо. Педро Пуля забил его по всем статьям: он был и деятельней и сноровистей, он

¹ *Кабоккло* — метис от брака индианки и белого.

умел все рассчитывать наперед и дать каждому дело по вкусу и силам, он умел себя поставить, а в голосе его и в выражении глаз было что-то такое, что его слушались беспрекословно. Настал день, когда Раймундо и Педро схватились. Раймундо, на свою беду, вытащил нож и полоснул противника по лицу, отметив его до конца жизни рубцом на щеке. Педро был безоружен, и потому остальные члены шайки вмешались, остановили драку и стали ждать реванша. Педро не замедлил отомстить. Однажды вечером, когда Раймундо собирался отлупить негритенка Барандана, Педро заступился за него. Такой драки песчаные отмели еще не видели. Раймундо был старше годами, выше ростом, но Педро Пуля с развевающимися белокурыми волосами, с алым шрамом, горевшим на щеке, превосходил его ловкостью. Раймундо потерял и власть над шайкой, и песчаные отмели. Через некоторое время он нанялся матросом на какое-то судно и ушел плавать.

Все единодушно признали нового атамана, и с тех самых пор покатались по городу слухи о банде «генералов» — о бездомных мальчишках, промышлявших грабежом. Никто не знал, сколько их на самом деле, а было их около сотни. Человек сорок, а может, и больше постоянно жили в полуразвалившемся пакгаузе.

Это они, оборванные, грязные, голодные мальчишки, сылавшие отборной руганью, смолвившие подобранные на тротуарах окурки, были истинными хозяевами города и его поэтами: они знали его в совершенстве, они любили его всем сердцем.

НОЧЬ «ГЕНЕРАЛОВ»

Темная ночь неспешно надвигается на Баию со стороны моря, окутывает тьмой старинный форт, рыбацьи баркасы, волнолом, вползает по крутым улочкам, опускается на колокольни церквей. Давно смолкли колокола, вызванивавшие «Богородице», — уже гораздо больше шести. Небо все в звездах, и ночь светла, хотя луна так и не выглянула. Пески, окружающие черную громаду пакгауза, хранят следы босых ног: «генералы» в этот час собираются вместе. Над входом в портовую таверну «Ворота в море» слабо мерцает, грозя вот-вот потухнуть, фонарь. Холодный ветер дует навстречу, швыряет в лицо пригоршни песка, и Большой Жоан гнется под его порывами, точно мачта рыбацьей шаланды. Ему всего тринадцать лет, а он уже ростом выше всех остальных, и мускулы у него, как железо. Четыре года носится он с шайкой по улицам Баии, четыре года он волен как ветер, никого не спрашивается, никому не подчиняется. Большой Жоан не бывал в домике на вершине холма с того дня, как его отца, великана-ломовика, на узкой улице задавил внезапно вылетевший из-за угла грузовик. Огромный таинственный город простирался перед ним, и негритенок решил завоевать его, — черный город, полный церквей и храмов, город, почти такой же загадочный, как море. И Большой Жоан не вернулся домой. В девять лет стал он членом шайки — в те времена, когда главарем ее был еще Раймундо, который рисковать не любил, и слава ее была еще впереди. Очень скоро Большой Жоан сделался одним из вожakov, и его никогда не забывали позвать на

совет, где затевались и обдумывались новые налеты, хотя особенно острым умом он не отличался: голова болела всякий раз, как требовалось поднапрячь мозги. Так же вспыхивали они, если кто-нибудь в его присутствии обижал маленьких. Тело его напрягалось, и он очертя голову бросался в любую драку. Но его побаивались, потому что все знали его силу. Безногий говорил:

— Наш негр — это помесь мула с кузнечным прессом.

А малолетки, которые, попав в шайку, на первых порах робели, всегда могли рассчитывать на его защиту и покровительство. Любил его и Педро Пуля: Большой Жоан знал, что атаман дружит с ним вовсе не из-за его силы. Педро заметил доброту негра и часто повторял:

— Добрая ты душа, Жоан. Ты лучше нас всех. Ты мне по праву, — и похлопывал смущавшегося паренька по колену.

Большой Жоан шагает к пакгаузу. Ветер бьет в лицо, швыряет в глаза песок, но Жоан, согнувшись, наклонившись вперед, продолжает путь. Он заскочил в «Ворота», пропустил по рюмочке кашасы с Богумилом, который только сегодня вернулся из южных морей, с рыбной ловли. Богумил — самый знаменитый капоэйрист в Баии, все его знают и почитают. В ангольской капоэйре ему нет равных, он превзошел даже Зе Недомерка, слава которого гремит до самого Рио-де-Жанейро. Богумил рассказал Жоану новости и обещал завтра прийти в пакгауз, научить его, Педро Пулю и Кота новым приемам и броскам. Большой Жоан закуривает и шагает даль-

ше, и на песке остаются отпечатки его огромных ступней. Ветер тут же засыпает эти вмятины. В такую ночь в море лучше не выходить, думает негр.

Увязая в песке по щиколотку, он проходит под причалом, стараясь не наступить на спящих. Входит в пакгауз. Мгновение стоит в нерешительности, но потом замечает огонек свечи. Да, это Профессор, пристроившись в дальнем углу, читает при свете огарка. Вконец глаза испортит, думает Большой Жоан, в такой темнотице разбирать мелкие буковки: свечка горит еще тусклей, чем фонарь у входа в таверну, пламя так и ходит из стороны в сторону. Жоан приближается к Профессору, хотя спать всегда ложится у порога, как сторожевой пес, и нож на всякий случай кладет поближе.

Перешагивая через тех, кто уже спит, обходя тех, кто вполголоса болтает с соседом, он подходит к Профессору, присаживается рядом на корточки, смотрит, как жадно тот глотает страницу за страницей.

Прошло уже несколько лет с того дня, как Жоан Жозе по прозвищу Профессор украл с открытой витрины магазина на Баррас первую книгу. Однако добычу он никогда не продавал, а прятал книги в своем углу под кирпичами — чтобы крысы не испортили — и читал запоем. Ему было интересно все на свете, и часто по ночам он рассказывал товарищам диковинные истории об искателях приключений, о знаменитых мореплавателях, о легендарных героях и исторических личностях, и после таких рассказов «генералы» пристальной вглядывались в морские

просторы или в таинственные закоулки Баии, и жажда подвигов и приключений снедала их души. Жоан Жозе — единственный в шайке — читал бегло, хотя в школу ходил всего полтора года. Черные волосы вечно лезли в сощуренные подслеповатые глаза этого щуплого, веснушчатого, не очень-то бойкого мальчика, которому разносторонние познания и дар рассказчика снискали в шайке единодушное уважение. Профессором его прозвали не только потому, что он здорово показывал фокусы с монетами и платками; пересказывая истории, вычитанные из книг или сочиненные на ходу, Жоан Жозе обнаруживал великий и загадочный дар: он переносил своих слушателей в иные миры, в дальние неведомые края, и смысленные глаза мальчишек блестели в эти часы, как звезды на баиянском небосклоне. Затевая очередное дело, Педро Пуля всегда советовался с Профессором: самые дерзкие налеты увенчивались успехом благодаря его выдумке и изобретательности. Никто, конечно, и представить себе не мог, что через несколько лет он напишет картины, в которых воссоздаст историю своих товарищей, историю многих страдальцев и героев, и полотна эти потрясут всю Бразилию. Никто не мог этого знать — разве что только дона Аинья, «мать святого»¹, но ведь когда она выходит на террейро² и начинает волшбу, богиня Иа³ через оправленный в серебро бараний рожок сообщает ей все на свете.

¹ *Мать святого* — старшая жрица на кандомбле.

² *Террейро* — место проведения церемоний афробразильского культа — кандомбле.

³ *Иа* — одно из верховных божеств афробразильского культа.

Амаду Ж.

А 61 Генералы песчаных карьеров : роман / Жоржи Амаду ; пер. с порт. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-15141-3

Жоржи Амаду известен по всему миру как непревзойденный певец солнечной Бразилии. В его книгах смешались все мыслимые краски далекой жаркой страны, где круглые сутки звучит музыка, нищета ведет непрерывную войну с богатством, а благочестие уживается под одной крышей с самыми ужасными пороками.

«Генералы песчаных карьеров» — роман особенный, пожалуй самый необычный, яркий и знаменитый из всех произведений Амаду. В нем рассказана история банды беспризорников, ночующих на песчаных пляжах Баии. Они совершают дерзкие ограбления, скрываются от полиции и свято чтут неписанные законы дружбы.

УДК 821.134.3(81)

ББК 84(7Бра)-44

Литературно-художественное издание

ЖОРЖИ АМАДУ
ГЕНЕРАЛЫ
ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Шнитникова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.08.2018. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,6.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-23516-01-R